

Полуизгнанник

Василь БЫКОВ возвращается из эмиграции:
«Я не хочу знать, кто из моих друзей — стукач»

Кто бы мог подумать, что знаменитый писатель-фронтовик, Герой Соцтруда Василь Быков окажется первым постсоветским писателем-эмигрантом. Но так вышло. Последние годы Василь Владимирович вынужден был провести в Финляндии — вдалеке от родины, где его игнорировали издательства и травили газеты. Эту же весну, по приглашению немецких коллег, он жил и работал в «доме творчества» в глубинке бывшей ГДР. Но вот и новость — в начале июня, закончив свою новую повесть, Василь Быков, видимо, возвращается насовсем в Минск.

Юрий ЗАЙНАШЕВ

- Как, по-вашему, вас примут на родине? Вы слывете довольно одиноким человеком среди белорусской интеллигенции...

— Я был зимой дома недолго. Встретили скверно... Нет, не друзья, не родственники. В обществе ко мне также относятся нормально... Но режим сразу раздул травлю по телевидению и в печати. Просто, я бы сказал, недопустимую по отношению ко мне кампанию — все же я не политик и не претендую на власть.

Да что говорить, если политики у нас просто исчезают без следа, как происходило еще недавно в диких, «банановых республиках» Латинской Америки. Что уж тогда церемониться с каким-то беллетристом. Его в любой момент с таким же успехом можно закатать под асфальт. И сделать вид, что никто не знает, куда он подевался.

— Вы известны как давний сорборник национальной идеи, вы даже входили в руководство Белорусского народного фронта... Сейчас националисты — в оппозиции, в роли обиженных и преследуемых. Вам не кажется, однако, что ваши коллеги так радикально настроены, что если они сами придут к власти, то примутся жестко преследовать уже своих противников?

— Во-первых, национальная идея имеет много оттенков. Начиная от германского нацизма и кончая шведским, скандинавским социализмом. Белорусская оппозиция опирается на национальную идею. Но это та идея, что, по сути, легла в основу политики почти всех западно-европейских государств. А если говорить о нашем времени, то наиболее яркий показатель ее — национальная демократия. Я прожил почти два года

в Финляндии и видел, как именно благодаря национальной идее финское общество достигло высот... которым даже Германия может кое в чем позавидовать.

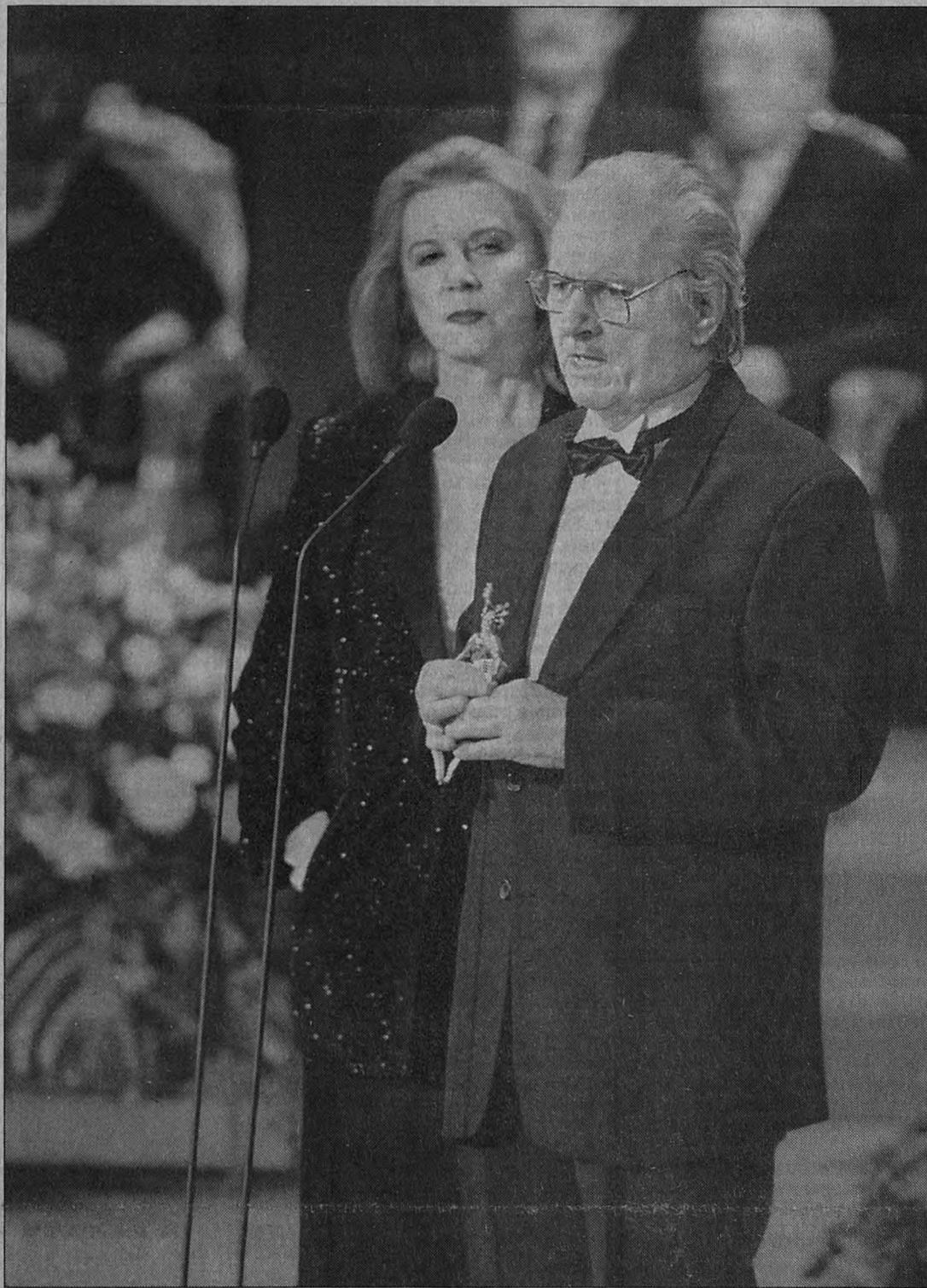
— Склад ума белорусов — очень мягкий, неагрессивный. Они, кажется, никогда не нападали на своих соседей. Может, поэтому народ в общем поддерживает такого жесткого вождя, как Лукашенко?

— Я бы так не сказал. Это крайняя националистическая как раз точка зрения — что, мол, такой-то народ лучше других. У всякого народа есть прегрешения перед собой и своими соседями, в том числе и у белорусского.

Надо иметь в виду, что мы живем почти 90 лет в условиях коммунистического тоталитаризма. Этот строй испохабил экономику, довел до самоуничтожения культуру. Кроме того, превратил в мутантов членов этого общества. Сейчас во многих республиках бывшего Союза появились относительные условия для нормального развития. Этого развития, однако, не происходит. Коммунистическая психология — под стать вирусному заболеванию и не имеет противоядия. Как СПИД, она уходит только вместе с пораженным организмом.

— В последних ваших рассказах постоянно звучит тема о стукачах КГБ, о сексотях. Часто ли вас лично пытались вербовать в советское время?

— Меня не вербовали. Наверное, в этом смысле я был объектом. А вот возле меня вербовка шла полным ходом. Особенно в 60-е годы. Некоторые из моих друзей приходили и говорили, что сегодня, мол, их вызывали, но они отказались. Конечно, я очень зауважал с этого момента человека, который отказался «стучать» на меня. И потом только обнаруживал, догадывался, что такое «признание»

На вручении свежего «Триумфа»

тоже было одним из методов втереться в доверие.

— И кого из своих приятелей тогдашних вы можете определенно назвать «сексотом»?

— Определенно трудно назвать. Тут только интуиция. У нас была возможность коротенькая — в начале 90-х годов — познакомиться со своим досье. Тем более, что я тогда был

где-то возле власти. Но по совету одного из руководителей КГБ Белоруссии я отказался смотреть свое кгебистское дело, чтобы не превратить свою жизнь в каторгу. Я выбрал вариант незнания. Полагаю, что сделал правильно.

— Другая сквозная тема ваших рассказов — водка. Причем, часто без закуси. Вы давно перестали пить?

— Пить?

— В смысле: когда возраст подошел?

— Когда свою квоту уже выпил? Где-то в 60 лет. Я и сейчас могу выпить, но немножко. Вина бокал, допустим, или же рюмку водки. Под моей квартирой на окраине Хельсинки на первом этаже был пивной бар, но в этом баре я был всего два раза за два года. Гости навещали

редко, значит и повода не было.

— Василь Владимирович, вас недавно в Москве наградили премией «Триумф». Вам не зазорно, что эту премию учредил Березовский?

— Что я могу сказать? В моем положении полуизгнанника не приходится выбирать, из каких источников платится премия. Потому как государство моих книг не издает. А если что выходит в московских журналах, то за символический гонорар.

— Вас зато так хвалят в Москве. При вручении «Триумфа» назвали вас великим писателем. Вас выдвигают на Нобеля... В то же время все отмечают вашу скромность, открытость и доступность. Вы, стало быть, не загордились?

— С какой стати. Нет, я не загордился. Я думаю, что гордыня в моем возрасте, пожалуй, неуместна. Особенно в наше время, когда роль литературы низведена до минимума. Однажды в 50-е годы Джона Стейнбека спросили о значении писателя в Америке, и он ответил: писатель чуть выше дрессированного тюленя, но значительно ниже уличного клоуна, и это хорошо. Помню, мы тогда удивлялись, а теперь и сами оказались в похожей ситуации.

— А вам не предлагали баллотироваться в президенты?

— Нет. Я не только на президента не соглашусь, даже на председателя сельсовета. Вообще эту управленческую деятельность никогда не жаловал. Когда-то против моей воли меня избрали в народные депутаты СССР. Мне пришлось, недолго правда, заседать — там, во кремлевском Дворце съездов. Это я вспоминаю как самые мучительные дни моей жизни. Зверинец такой массовый...

— Как же, по-вашему, события в Белоруссии будут развиваться в ближайшие годы?

— Ничего не изменится. Белорусский режим укрепился надолго и изменить его может только Россия, от которой он зависит на 90 процентов. Но Госдума и Кремль, похоже, сейчас намерены только укреплять дружбу с Лукашенко.

— А новые выборы?

— Уже в этом году намечаются выборы, но это ничего не значит. Вся законодательная, исполнительная власть, пресса, избирательная система находятся в руках президента. Он заказывает любой результат — и этот результат будет выдан. Последним препятствием на пути к этому был председатель центральной избирательной комиссии Виктор Гончар, который, как известно, проявил какую-то независимость в свое время и был просто-напросто выброшен ОМОНОм из своего кабинета. А затем и вовсе исчез без следа. Взамен туда была посажена другая особа. И теперь о чем речь? Можно выборы проводить какие угодно. Хоть в Европарламент.

— Вы возвращаетесь на родину. Может, хотите через нашу газету что-то заявить — пафосное?

— Время пафоса безвозвратно минуло.

Берлин — Москва